

СЛОН ВСЕХ НАДЕЖД

«Рукоделие» Национального хореографического центра Тура — 1, 2 апреля в Театре им. Моссовета

Кедровская зал. - 1996 - Салф. - 07

Майя Крылова

Тур—Москва

ДАНИЭЛЬ ЛАРРЬЕ руководит хореографическим центром Тура. Его имя называют в числе хореографов французской «новой волны», он ставит в Опера де Пари и Франкфуртском балете. А теперь — и в Театре Моссовета: спектакль «Рукоделие», тринадцать танц-пьес, постановки Ларрье, Паскаль Убэн, Лоран Бандони. В этой труппе хореографы исполняют свои творения, артисты становятся хореографами. Царит дух театральной гудии, когда нет главрежисера и примадонны, когда все вовлечены в творческий поток, когда процесс намного важнее результата. Но в центре — театральный спор, убеждающий в актуальности своих идей.

«Рукоделие» показано в один вечер с драматическим спектаклем Реджепа Митровицы, среди танц-пьес — миниатюра в честь его же героя — Нижинского. Ифологизированная фигура последнего гипнотически действует на творцов 90-х годов, привлекая не столько танцем и хореографией, сколько легендарным «Дневником». К этой споведи (так и не решив, чего ей больше — безумия или реальности) припадают, как к материнской груди. Черпая в ней прежде всего страсть к мафесту.

Каждый номер из «Рукоде-

лия» сопровождается в программе комментариями типа «На первом плане — персонаж в черном, символизирующий движение до начала движения». Философская декларация ПРЕЖДЕ творческого акта — примерно то же самое, что «реа-

нем»). Текст песен Лео Ферре слово в слово передается жестами азбуки глухонемых. Для тех, кто знает французский или владеет этой азбукой, — масса информации. Остальным — «вальс рух в пространстве одной песни» (самоанонс труппы).

«Рукоделие». Сцена из спектакля.

Фото Андрея Никольского (НГ-фото).

листическое» либретто для драмбалета: в итоге танец принуждается к иллюстрации схемы. В данном случае — схемы, заданной еще Камю: Быть — значит не спрашивать (ответа все равно нет), а действовать, несмотря на знание о смерти.

Танцовщики в «Рукоделии» философствуют по-разному. В жанре буквального описания («Будем любить», «Со време-

В жанре полуэстрадной картинки (отрывок из балета «Джунгли на планете Венера»). Как и в танцах под Ферре, тело — неподвижная ось, пластически активны только конечности и головы танцовщиков, лежащих на полу. Эффектный номер, напомнивший знатокам мюзик-холльные работы Касьяна Голейзовского.

Третий тип танца — медитативно-многозначительный

Движение — как в рапидной съемке («Поэтическое покушение»), как в ушу («Эмми»). Смена неторопливых поз: любовь к четвертой позиции разрешается не в пируэт, как в классике, а в гимнастический ракурс. Положение ног носками внутрь после фокинского «Петрушки» — символ беззащитности. И совсем уже назидательный «Слон и оленята»: на фоне огромной фотографии «Слона всех надежд» оленята (артисты в белом), «неутомимые и мудрые», поддерживают мировую гармонию. По анонсу — сплошная «Белоснежка» с ее активной живностью, по зрелищу — аллегро и адажио с приемами современного танца. Танец и название номера ни к чему друга друга не обязывают — можно было назвать номер «Композиция» №5, а можно — и про животных. Главное — напомнить зрителю, что жизнь — это Дао.

Под конец — подарок: поет хор Северноморского военного флота России. Украинская «Черемшина» вдохновила Ларрье на «Поклоны по-русски»: нечто среднее между «Танцем» Матисса и детской игрой в «бояре». Это приятно — нас, россиян, хотели порадовать «отдельной строкой». И вообще: несмотря на отдельные высказывания о «смерти искусства», спектакль Даниэля Ларрье — классический образец понимания искусства как миссии. Слон всех надежд — по-прежнему с нами.